

Козлова Т.О.¹

Роль прямой фонологической иконичности в формировании историко-этимологических гнезд от этимонов в индоевропейском праязыке

¹ Козлова Татьяна Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, Запорожский национальный университет, г. Запорожье, Украина

Аннотация. В статье представлен анализ звукоподражаний в лексике индоевропейского праязыка. Выявляются особенности формально-семантического варьирования и.е. этимонов, историческая устойчивость ономотопеи и влияние иконичности базовых и.е. корней на степень формально-семантического расподобления рефлексов в дочерних языках. Установлено, что в формировании историко-этимологических гнезд от и.е. этимонов звукоимитативного происхождения прослеживаются общие закономерности, которые обусловлены высокой степенью иконичности деривационных основ в индоевропейском праязыке.

Ключевые слова: историко-этимологическое гнездо, лексические универсалии, праиндоевропейский язык-основа, прямая фонетическая иконичность, этимон.

Ономатопея относится к абсолютным (неограниченным) универсалиям. В плане синхронии звукоподражания функционируют в языках различной типологии и на различных этапах их исторического развития, хотя количество таких языковых единиц в словаре относительно невелико.

Универсальность звукоимитаций распространяется и на область диахронии. В плане изучения закономерностей языковых изменений ономотопея интересна тем, что она представляет собой явление доступное для анализа и наблюдаемое при различных языковых изменениях. С одной стороны, звукоподражания характеризуются значительной степенью устойчивости к языковым изменениям. С другой стороны, они относятся к постоянно обновляющемуся разряду слов и формируются в различные периоды истории языка. При этом фонетически мотивированные единицы более раннего происхождения, незатронутые фонетическими изменениями, могут сосуществовать с их более поздними вариантами, отражающими действие фонетических законов.

Следует добавить, что ономотопея имеет вероятностный характер. Одновременно со схожестью форм, которые самоочевидны, например, в обозначениях крика петуха или кукушки в типологически различных и неродственных языках, вариативность звукоподражаний безгранична в силу действия различных культурных и психологических факторов, определяющих состав и продуктивность звукоимитативных единиц, а также особенностей языковой структуры, влияющих на форму звукоподражаний.

Звукоизображение играло особую роль при возникновении языка и на ранних этапах его развития (А.М. Газов-Гинзберг, В.В. Левицкий, М.М. Маковский, J. Aitchison, R. Allot, T. Deacon, S. Pinker, P. Sadowski и мн. др.). Не-

безинтересным было бы обратиться к изучению архаичной звукоподражательной подсистемы с целью выяснения закономерностей ее развития.

Цель статьи: анализ звукоподражаний в лексике индоевропейского праязыка, особенностей формально-семантического варьирования и.е. этимонов, исторической устойчивости ономотопеи и влияния иконичности базовых и.е. корней на степень формально-семантического расподобления рефлексов в дочерних языках.

Исследовательская гипотеза: в формировании историко-этимологических гнезд от и.е. этимонов звукоимитативного происхождения прослеживаются общие закономерности, которые обусловлены высокой степенью иконичности деривационных основ в индоевропейском праязыке.

Процедура анализа предполагает: выделение этимонов из корпуса реконструированных базовых корней индоевропейского языка-основы; анализ структурно-семантических особенностей и.е. звукоподражаний; определение направления семантического развития рефлексов в пределах историко-этимологических гнезд; выяснение преобладающих типов мотивации между начальными и производными значениями; анализ формально-семантического расподобления и.е. этимонов в диахронии, выявление общих закономерностей и изменений в формировании историко-этимологических гнезд.

Материал для анализа был отобран из электронных баз данных, этимологических, исторических, толковых и двуязычных словарей [2 – 4 и др.].

Из зафиксированных базовых корней были выделены единицы, значение которых включает сему 'звук'. Данный семантический класс лексики и.е. праязыка является многочисленным и характеризуется высоким показателем частоты (F = 115, по данным статистической обработки и.е.

корней В.В. Левицкого [1, с. 21]), который определяется количеством употреблений лексических единиц в толкованиях значений и.е. реконструированных корней. По данным нашей выборки, количество и.е. корней звукоподражательного происхождения составляет приблизительно 8% (160 единиц) от общего числа проанализированных реконструкций и значительно превышает число обозначений таких номинативно плотных понятий, как ‘крутить, вертеть’, ‘гнать’, ‘пхунуть’, ‘толкать’, ‘резать’, ‘воспринимать’, ‘покрывать’, ‘свет, блеск’, ‘цвет’.

Фонетическая структура и.е. звукоподражательных корней разнообразна с преобладанием элементарных сочетаний с первичным расширением и без него (CV, CVC), что можно объяснить распространенностью простых структур в лексике и.е. праязыка, легкостью их воспроизведения и восприятия, релевантностью для имитации звучания.

Среди и.е. звукоподражаний преобладают обозначения громких, гортанных звуков, которые маркированы глухими и звонкими смычными (*gal⁻² “кричать, издавать громкий звук”, *kel⁻⁶ “тж.”), а также взрывных звуков, хлопков, стука, маркированных глухими спирантами (и.е. *pster- “чихать”). Низкие, протяжные, раскатистые звуки передаются вибрантами (*rē⁻⁶, *reibh- “трещать, взрываться”), шипение и свист – фрикативными (и.е. *(s)treig⁻³/*st Reid(h)- “шипеть”).

Таким образом, ведущая роль в формировании звукоимитаций в и.е. праязыке принадлежит инициальным согласным. Тип звучания кодируется консонантным началом и.е. корня, различные оттенки звучания передаются за счет расширителей и/или внутрикорневых чередований. Поэтому особенностью и.е. звукоподражаний является усиление варьирования их формы от начала к исходу корня, что обуславливает модификацию их значений и особенности формально-семантического расподобления в историко-этимологических гнездах. Например, и.е. *kǎu-, kěu-, kū- “выть” имеет различные варианты, детерминирующие развитие семантики рефлексов в дочерних языках:

– с и.е. /k/ в анлауте > ‘громкий протяжный звук, крик, вой’ (д.инд. *kāuti* “кричит, воет”, с.в.н. *hiuweln*, *hiulen* “тж.”, д.гр. *κω-κῶ-ω* “крик, горестное стенание, завывание, причитание”, серб. *kūkati* “тж.”, латышск. *kāukt* “вой собак или волков” пр.);

– с и.е. палатальным /k/ в анлауте > ‘резкий звук; серия двусложных прерывистых звуков, постепенно становящихся интенсивней; звук, напоминающий плач ребенка, шипение или звук мотоцикла’ (д.инд. *śūka-* “попугай”, арм. *sag*

“гусь”, ст. слав. *sova* “сова”, чеш. *šyc* “тж.”, рус. *сыч* “тж.” пр.);

– с и.е. /-b-, -b(h)o-/ > ‘резкий, громкий, повторяющийся на одних нотах’ (д.инд. *kūkkubha-* “дикий петух, петух, фазан”, д.гр. *κωκῶφας*, *κίκυβος* “сова” пр.);

– с и.е. /-r-/ > ‘раскатистый громкий звук; крик петуха; рев’ (д.инд. *cākōra-* “куропатка”, лат. *caurīre* “рев пантеры (в пору течки)”, ст. слав. *коурь* “петух” пр.);

– с и.е. /-ĝ-/ > ‘хриплый размазанный звук; рев, рычание’ > (д.инд. *kūjati* “ревет, рычит, бурчит”, норв. *hauke* “выть, кричать, горланить”).

– с и.е. /-p-/ > ‘слабый неровный звук’ (герм. *hiuþ* “гнутья” > гот. *hiufan* “жаловаться”, д.сканд. *hjúfra* “жаловаться, причитать”, д.а. *hēofan* “тж.”, д.сакс. *hiovan* “тж.”, д.в.н. *hiofan*, *hioban* “тж.” пр.).

Форма рефлексов и.е. звукоимитативов относительно стабильна. Например, в германских языках сдвиг согласных (и.е. *b* > герм. *p*) не оказывает существенного влияния на продолжения и.е. этимона в силу непрерывного обновления имитативов (ср. и.е. *blat- “болтать” > д.в.н. *blabbeon* > с.в.н. *blepzen* > н.в.н. *plappern* (XVI в.) “щебетать, болтать, трещать”). Обновление звукоподражаний и варьирование их формы обусловлено усилением экспрессивности и необходимостью отразить оттенки имитируемого звучания (громкость, долготу, тон, повторяемость, прерывистость звука пр.). С этой целью используются различные иконические способы кодирования знаний о звуках и производящих их объектах:

– чередование гласных (и.е. *gher⁻¹ > н. *girren*, но также с.в.н. *garren*, *gurren* “ворковать”, санскр. *ghagh* “смеяться”, но также *ghur* “кричать”);

– альтернатива согласных (и.е. *gher⁻¹ > словен. *grīkati* “кричать; ворковать” vs словен. *grčati* “вороковать, ворчать, рычать”);

– консонантная геминативация (и.е. *gher⁻¹ > алб. *gurrë* “источник воды”, *gurgullon* “журчание, бульканье (воды)”);

– вокалическая геминативация (и.е. *ger⁻² “кричать, издавать громкий звук” > лат. *grūs*, *gruis* “журавль”);

– редупликация (и.е. *b(e)u⁻² “набухать, пыхтеть” > лит. *bubsėti* “бахать”);

– повтор за счет гоморганных согласных (и.е. *ger⁻² “кричать, издавать громкий звук” > лат. *gracillō*, *-āre* “гоготать; болтать; пищать (о цыплятах)).

За счет замены устаревших форм новыми, более утонченными, а также за счет вариативности форм рефлексов не только реализуется экспрессивная функция единиц, но и поддерживается

прозрачность соответствия между формальной и содержательной стороной звукоподражаний. При этом исторически устойчивым является принцип, в соответствии с которым согласные играют ведущую роль в имитации типа звучания, а гласные – в передаче степени высоты тона.

Семантическая рефлексация и.е. этимонов характеризуется умеренным расподоблением компонентов историко-этимологического гнезда и увеличением расстояния между производящими основами (и.е. корнями) и производными. Наиболее продуктивные модели семантического расподобления составляющих историко-этимологических гнезд основаны на специализации исходного значения, аналогии и метонимии. В основе этих моделей лежит принцип возникновения знаний о признаках одного объекта или явления на основании известного сходства и/или смежности с другими объектами или явлениями. Не менее продуктивной является и семантическая рефлексация на основе метафоры. Однако ассоциативные переносы на основе подобия используются на более поздних этапах формирования историко-этимологических гнезд и вовлекаются в процессы вторичной семантической производности уже существующих рефлексов. Развитие вторичных значений рефлексов и.е. этимонов в дочерних системах соотносится с переходами в различные домены (в иных терминах – когнитивные сферы, когнитивные области), относительно которых определяются значения языковых знаков. Направления дальнейшего семантического развития рефлексов на основе метафор разнообразны и непредсказуемы. В результате семантическое расстояние между и.е. этимоном и рефлексом резко возрастает. Рассмотрим отдельные примеры реализации продуктивных моделей.

МОДЕЛЬ 1 ЗВУК > ТИП ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЯ основана на когнитивной операции перехода с более высокого уровня категоризации на более низкий и семантическом процессе специализации значения за счет субституции и/или добавления дополнительных компонентов. Например, в значениях рефлексов и.е. **bhlē-* “выть, реветь, сильно плакать” высвечиваются такие семантические компоненты, как:

– ‘печальный, монотонный’ (италийская изоглосса - лат. *flēō, flēre* (*bhlējō) “плакать, рыдать, оплакивать, горестно воспевать, слезно просить”);

– ‘очень громкий, вибрирующий’ (балтославянская, германская и албанская изоглоссы - латыш. *blēju, blēt* “блеять”, рус. *блеять* “тж.”, с.в.н. *blājen* “тж.”, д.а. *blātan* “тж.”, а. *bleat* “тж.”, гол. *blaren* “тж.”, алб. (**blāge-*) *blegërij*

“тж.”; д.а. *blagettan, blāgettan* “кричать”, с.в.н. *blēren, blerren* “блеять, кричать”, а. *blare* “мычать, вопеть, реветь” пр.).

МОДЕЛЬ 2 ЗВУК > ИСТОЧНИК ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЯ / ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ЗВУКА основана на метонимии: звук (и.е. **ker-¹/ kor-/ kr-* “хриплый крик, резкий звук”) >

– агент, например, птица (индо-иранская изоглосса - д.инд. *karāṭa-* “ворона”, *karāyikā* “разновидность журавля”, н.перс. *xurōs* “петух”);

– инструмент, например, артефакт (кельтская изоглосса – с.ирл. *crāin*, генитив *crāna* “пила”; германская изоглосса – д.сканд. *skraut* “ювелирные украшения (как нечто звенящее)”);

– каузатор, например, патология (германская изоглосса – исл. *hroði* “слюна”, норв. диал. *ryda, skryda* “мокрота в горле”, д.а. *hrog* “слизь в носу”; балтийская изоглосса - латышск. *kraukāt* “кашель, хрип, мокрота (о крупном рогатом скоте)”).

На метонимии также основана МОДЕЛЬ 3 ЗВУК > МЕСТО ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЯ: звук (и.е. **ker-¹/ kor-/ kr-* “хриплый крик, резкий звук”) > место, например, орган (германская изоглосса – д.а. *hraca m., hracu f.* “горло”).

На аналогии основана МОДЕЛЬ 4 ЗВУК > ТИП ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЯ, например, и.е. **ker-¹/ kor-/ kr-* “хриплый крик, резкий звук” > арм. *karkač* “шум, шелест” и *karkačem* “сильный хохот, рев”, лит. *krykščiù, krykšti* “гоготать, кудахтать, весело и радостно кричать” и *kriksėti* “покрываться”.

Номинация по аналогии и смежности сдерживает выход за пределы когнитивной области, что сокращает семантическое расстояние между источником (звук, звучание) и целью переноса (акустический и/или артикуляционный денотат): ‘звук > речь’, ‘звук > источник звука’, ‘звук > эмоциональное пр. состояние, имеющее звуковое выражение’ (гнев, радость, боль пр.).

Однако следует отметить, что расстояние между рефлексам в различных языках все же увеличивается за счет того, какому из доменов отдает предпочтение та или иная дочерняя система (звук > источник звука: ОБЪЕКТ ПРИРОДЫ > живое (животное, птица, насекомое, человек) > неживое (вода, ветер пр.) > ОБЪЕКТ КУЛЬТУРЫ (орудие, музыкальный инструмент, украшение пр.).

При формировании вторичных (метафорических) значений рефлексов наиболее продуктивным является перенос ‘звучание > речь’.

Вышеизложенное позволяет заключить следующее. Звукоподражания представляют собой универсалии, знаки с внешнеязыковой иконичностью, обусловленной природной мотивацией и стремлением говорящих к установлению сход-

ства между объектом номинации и наименованием. В этом случае знаки естественного языка используются для имитации звуков, производимых живыми и неживыми объектами. При прямой фонологической иконичности референтом всегда выступает языковой или неязыковой акустический сигнал. Такая разновидность иконичности свойственна лишь единицам с абсолютной фонетической мотивированностью. Иными словами, при прямой иконичности между референтом и знаком устанавливается прозрачная связь.

Вследствие абсолютной фонологической мотивированности, модели ономотопеи в различных

языках схожи и легко узнаваемы. В процессе формирования историко-этимологических гнезд от и.е. звукоподражательных этимонов наблюдается прогнозируемое формально-семантическое расподобление рефлексов. Особенности формирования и.е. звукоимитаций и их развитие в дочерних системах отражают исторический опыт носителей индоевропейской культуры, свидетельствующий о значительном многообразии культурно-языкового варьирования и способов кодирования знаний о мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левицкий В.В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт квантитативного анализа этимологического словаря. – Черновцы: Рута, 2008. – 232 с.
2. Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков; Т. I. – Винница: Нова књыга, 2010. – 616 с.
3. Indo-European Etymological Dictionary - A Proto-Indo-European language lexicon, and Etymological Dictionary of Early Indo-European languages. Scanned and recognized by G. Starostin. – Moscow. – 1104 p. – <http://dnghu.org/indoeuropean.html>.
4. Pokorny J. Indogermanische Etymologisches Wörterbuch: B. 1 – 3. – Bern: A. Francke AG Verlag, 1959.

Kozlova T. The role of direct phonemic iconicity in form and meaning diversification of Proto-Indo-European onomatopoeic etymons and their reflexes

Abstract: This paper aims to highlight the processes linking sound to meaning and investigate the presence of direct phonemic iconicity in Proto-Indo-European (PIE) roots and their reflexes. Onomatopoeic means owe their effectiveness to the way in which they mime external (sound) reality as they are based on the approximation between imitated and imitating sounds. The article's focus is on the phonetic structure/arrangement of the onomatopoeic roots in Proto-Indo-European and their reflexes in daughter branches. In PIE onomatopoeic structural patterns are simple (CV and CVC as most productive), whereas in daughter branches they are more complex. Both etymons and reflexes are fashioned to copy different properties and perception of sound. They incorporate (1) phonemes that agree with the quality of imitated sounds and fit into the phonemic type of daughter languages; (2) various iconic devices (consonantal and vocalic alternation, germination, homorganic consonants and reduplication) that produce expressiveness and mirror frequency, continuity, intensity, vibration etc. of sounds. Despite the fact that PIE is a hypothetical reconstruction, PIE onomatopoeic roots can be treated as the preceding invariants of the diversified reflexes in daughter languages. Reference to PIE reconstructions helps to trace lexical universals, to study the development of forms and meanings of sound imitations, to identify the semantic distance between etymons and their reflexes. With respect to research connected to iconicity, the development of PIE roots explains the major trends in language evolution, elucidates the role of onomatopoeia (direct phonemic iconicity) in language history and reveals the “acoustic image of the world” of the Indo-Europeans. This research helps to find out about the ways by which the structure of the basic forms and its modifications reflect sounds in the external world, how they motivate the semantic continuants of PIE etymons in different daughter branches and how the latter correlate with various cognitive domains.

Keywords: direct phonemic iconicity, etymological nest, etymon, lexical universals, Proto-Indo-European.